

Поэтическая седмица

Елизавета Мартынова

Александр ОРЛОВ:

Елизавета Мартынова в стихах стремится говорить негромко и только о главном. Внешняя простота и доступность её творчества говорит о ней как о человеке, который прошёл через многое и выстоял, не поддавшись изменчивым, а порой и трагическим испытаниям, поэтому её слово кажется «приглушённым», но это лишь усиливает эффект глубинного восприятия. При чтении стихотворений Мартыновой появляется ощущение литературного аскетизма, вокруг которого распространяется тайное лирическое притяжение, способное усиливаться и безусловно связанное с вечностью.

Елизавета Сергеевна Мартынова (Данилова) – родилась в 1978 году в Саратове. Окончила филологический факультет Саратовского государственного университета. Кандидат филологических наук. С 2008 года по настоящее время – главный редактор журнала «Волга – XXI век». Публиковалась в журналах: «Наши современник», «Молодая гвардия», «Волга – XXI век», «Луч», «Вайнах», «Введенская сторона», «Русское слово» (Чехия), «Подъём», «Русское эхо», «Новая Немига литературная», «Сура», «Гостинный двор», «Отчий дом», «Молоко», в альманахе «Новые писатели России», коллективном сборнике «Новые имена в поэзии» (Москва) и других изданиях. Лауреат премии им. Юрия Кузнецова от журнала «Наши современник» (2008), годовой премии журнала «Сура» (2013, 2019), межрегиональной премии Николая Благова (2017), сайта «Росписатель» (2017). Автор книг: «Письма другу» (2001), «На окраине века» (2006), «Свет в окне» (2009), «Собеседник» (2012), «Воздух дороги» (2017). Член Союза писателей России. Живёт в Саратове.

* * *

Написать небесную Россию:
Облака, туманы и поля,
Сумерки её, дожди косые,
Свет, которым полнится земля.

Так, чтоб пело сердце благодатью
И страданьем, горечью живой –
Дом родной, далёкий написать бы
Тонко над речною синевою.

Не пером, не акварельной кистью,
Только словом: осень и окно,
А за ним уже роятся листья,
Небо между звёздами темно.

Написать, как жизнь светло и просто
Смотрит в нас и не отводит взгляд,
Если от рожденья до погоста
Только прочерк – журавли летят.

Не поймаешь их, не остановишь,
Только смотришь, смотришь в небеса,
Словно ждёшь томительную новость,
Слышишь дальних предков голоса.

Видишь лица за дождливой синью,
Перелётных ангелов житьё.
Тайную небесную Россию,
Горних обитателей её.

* * *

Опять листвы просвеченная медь,
Сквозняк берёзы бело-синеватой.
И снова можно плакать и неметь
Пред красотой такой же, как когда-то
Давно, за много лет до наших дней –
Чем раньше, тем прозрачней и ясней.
Здесь жили деды. Мельница кружилась.
Казалось, что сам воздух был крылат.
А если что, как песня, не сложилось –
В муку перемололось наугад.

А если что, как листья, облетело –
Так это моей бабке на венки.
Чернеют птицы в небе чистом, белом.
И мы живём. И Бог не одинок.

* * *

Но смерти нет – есть прерванный полёт,
Весеннее обыденное небо.
Пока душа безумная поёт,
Не надо зрелищ и не надо хлеба.

Ещё грачи над городом кружат,
Ещё в глазах черно от их мельканий,
Но вот уже бессмертьем воздух сжат,
И музыкой объаты даже камни,

Дома, деревья голые, асфальт,
Большие голуби, и куртки нараспашку,
И неба синего звучит высокий альт,
И облака с дождём вздыхают тяжко.

И мы с тобой по улице идём,
Перегоня неизбежный ливень,
И сами мы становимся дождём,
Не ведая, когда и где погибнем.

Я ТОЖЕ СТАНУ СТЕПЬЮ

Не вечен город. Здесь столетья степь
Лежала – неподвижная, глухая.
Звезды погибшей добирался свет
До золотой земли – и в травах таял.

Степь – это воздух, горький и густой,
Весенний, опалённый, неповинный
Ни в чём – и опьянённый высотой
И радугой крылатой и наивной.

Стань детством, степь, воспоминаньем будь –
О девочке, на станции живущей.
Здесь будет город. Здесь намечен путь
Для молодых, безудержных, поющих.

Не страшно им, что призрачен барак,
Сквозящий на ветру войны великой,
Что слишком много выпало утрат
И в скорбных лицах проступают лики.

Играет девочка на пристальном ветру,
Дивится травяному благолепию
И говорит, что «если я умру,
То ничего – я тоже стану степью».

* * *

Тонкие вишни как будто бы маслом написаны –
Так их сиянье прекрасно над чёрной землёй.
Наискось ветер срывается беглыми искрами.
Бледное пламя полощется над головой.

Прожито небо. Весною земное дороже –
Ишь, как дрожит, отзывается чуткой струной
Каждая травка на солнечный замысел Божий,
Каждая птица под новой и белой луной.

Скрипнет калитка ночная светло и маняще –
Смех ли раздастся, обрывок ли песни какой –
Вижу тебя во дворе: ты живой, настоящий,
Снова отводишь цветущую ветку рукой.

Как я хочу, чтобы это мгновенье продлилось,
Чтобы на воздухе лёгкий застыл лепесток.
Вымолить бы мне от Бога ту малость и милость:
Взгляд твой упрямый и твой молчаливый упрёк.

* * *

Сквозь влажный обморок листвы –
Шаги, шаги, шаги.
Шуршат оранжево кусты
Рябины и ольхи.

Там вспыхнет, рядом подмигнёт
Искринкой дождевой,
И не кончается полёт,
Задуманный листвою.

Земли покатою мокрый бок
Касается небес,
И смотрит изумлённый Бог
На ярко-красный лес.

Неуловима красота –
Она сотворена
На краткий миг из тайны тайн
В былые времена.

Беспомощна её душа,
Как веточка, тонка,
И дождь ложится не дыша
В резную тьму листка.

И человек, что здесь прошёл,
Выходит сам не свой
В мерцающий туманом дол,
В поля с ночной травой.